

Тема 3. Сензитивные и критические периоды в развитии человека
(аудиторная работа – 2 часа)

Узловые вопросы темы:

1. Для объяснения, каких закономерностей развития используется понятие сензитивного периода?
2. Значение понятия «критический период» в междисциплинарном контексте.
3. В чем обнаруживается связь и различие между критическими и сензитивными периодами в возрастно-психологическом контексте?
4. Понимание кризиса развития отечественными и зарубежными психологами.

Ключевые слова:

Возрастная норма, норма психического развития; возрастная чувствительность, сензитивный период;

Стабильный период развития, критический период развития, фазы протекания кризиса, новообразование в психическом развитии.

Задания для подготовки и работы на семинаре

Задание 1. В текстах материалах для индивидуальной работы приведены этнографические тексты *Н.А. Бутинова*, описывающие особенности возрастной стратификации племен, обитающих на Адмиралтейских островах, и особенности перехода от одной стадии развития к другой. Используя эти тексты, подумайте над следующими вопросами и выполните задание:

- Приведите примеры иллюстрирующие периоды развития, которые можно отнести к сензитивными и/или кризисными. Обоснуйте свою точку зрения, опираясь на основные положения культурно-исторической психологии.
- Чем объясняются действия взрослых, организующих переходы от одной стадии развития к другой в форме обрядов инициации? Какие действия взрослых можно назвать психологически грамотными и почему?
- Какие основания могут быть использованы для выделения стадий онтогенеза, описывающие особенности развития обитателей племени квома? Предложите свой вариант периодизации. Зафиксируйте тезисно ваши размышления, имея в виду возможность их презентации в аудиторной работе.

Задание 2(письменно) Периоды сензитивного развития ограничены во времени. В связи с данным фактом в науке обозначились две точки зрения на проблему сензитивности. К какой из них вы готовы присоединиться и почему?

1. Если в детстве в сензитивный период какая-то функция не развивается, то ее коррекция в дальнейшем невозможна.
2. Наверстать упущенное в сензитивный период можно в более позднем возрасте, хотя при этом придется столкнуться с некоторыми трудностями.

Материалы для индивидуальной работы

Н.А. Бутинов. Детство на островах Адмиралтейства / Этнография детства. Традиционные методы воспитания детей у народов Австралии, Океании и Индонезии. – М.: Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 1992. – С. 56-84.

«<...> Образ жизни манус весьма своеобразен – нет земли, люди живут в лагунах, на воде. Тем не менее, община у них... имеет те же черты, которые свойственны развитому общинно-родовому строю в целом: коллективизм в производстве и потреблении в рамках общины (деревни); взаимная помощь; тесная связь социальной жизни общины с событиями жизненного цикла ее членов; содружество соседних общин. Постройка хижин, лодок, проведение

обменных операций, ловля рыбы – все это требовало совместного труда. Обряды, связанные с жизненным циклом каждого из членов общины, также предполагали участие всех общинников: совместно праздновали рождение ребенка, собирали для общинника плату за его невесту, проводили похоронные обряды.

Манус, как правило, не отмечают памятных дат, годовщин событий прошлого. В центре их социальной жизни – ныне живущий член общины с его жизненным циклом – появлением на свет, постепенным ростом, взрослением, прохождением обрядов инициации, вступлением в брак и т.д. Связь социальной жизни общины с важными событиями жизненного цикла каждого из ее членов проявлялась в обменных операциях.

Все события жизненного цикла человека мужчины-манус, по словам М. Мид, мыслит не иначе, как в виде раковинных дисков и собачьих зубов, которые потребуются на проведение соответствующих празднеств и обрядов и которые он должен добыть путем обменных операций, а также получить в виде помощи от общинников. Каждый общинник поэтому тесно связан с общиной – один он не в состоянии провести эти обряды. В свою очередь, «религиозная система, – пишет М. Мид, – полностью интегрирована с экономической».

Муж и жена – это будущие отец и мать. Отношения между супругами – важный фактор в процессе воспитания и обучения детей, в значительной мере определяющий характер взросления молодого поколения, перехода от младенчества к детству, от детства к юности.

В племени манус муж и жена – совершенно чужие друг другу люди. С годами отчужденность между ними ослабевает, но все, же не исчезает совсем. А начинается эта отчужденность еще до брака, сразу после помолвки, т.е. нередко с семи-восьмилетнего возраста. Дети, живущие в разных деревнях (в своей деревне брать жену нельзя), могли до помолвки ни разу не видеть друг друга. Девочке следует тщательно избегать встреч со своим суженым. Она не произносит его имя и многие слова, похожие на его имя. Ей запрещается даже думать о нем, пишет М. Мид. Девочка знает, что в деревне мужа, когда она туда переселится после свадебного обряда, ее будут в лучшем случае терпеть, а сестры мужа – ненавидеть. После свадьбы муж и жена сторонятся друг друга. Когда М. Мид спросила женщину-манус, разрешает ли она своему мужу прикасаться к ее груди, та ответила: «Конечно нет». Жене не следует говорить мужу о своей беременности – ему сообщают об этом другие.

Содержание экзогамии, однако, этим не ограничивается. Женщина, придя в другую деревню, сохраняет на всю жизнь свою прежнюю родовую принадлежность. Часто муж зовет ее не по имени, а по родовой принадлежности («женщина такого-то рода»), подчеркивая этим, что она здесь чужая. Во время обрядов инициации сына отстраняют от матери (символика обрядов – изгнание из подростка всего, что пришло к нему от матери и является, как и она сама, чуждым для родового ядра общины мужа). Так укрепляется еще один социальный барьер внутри семьи – между матерью и подростком мужского пола. Цель обрядов инициации, по свидетельству Я. Хогбина, в том, чтобы отнять (социально) юношу у семьи.

Родители. По представлениям манус, равно как и многих других меланезийских папуасских племен, ребенок – результат половой активности мужа и жены: муж своим семенем сгущает менструальную кровь (потенциальный эмбрион), менструации прекращаются, наступает беременность. Муж и жена, считают папуасы и меланезийцы, постепенно, по частям, создают тело ребенка.

Для того чтобы ребенок появился на свет, необходимо, чтобы в женщину вошла душа. В этом смысле половой акт ни при чем – душа приходит из мира мертвых или, как на острове Беллона, от божеств. Настоящая беременность начинается тогда, полагают манус, когда этого хочет дух дома мужа. Дух дома мужа – это дух отца мужа или (если отец мужа жив) дух деда мужа по мужской линии.

Наступает время, когда муж и жена, будущие родители, начинают воздерживаться от половых актов, чтобы не нанести вред эмбриону. В этот период они соблюдают многочисленные пищевые запреты – пища для эмбриона должна быть доброкачественной.

Беременная женщина воздерживается от тяжелой работы. У манус мать идет рубить саго и добывать раковины только через год после родов. Многовековой опыт выработал этот здравый обычай, а религиозные нормы требуют его неукоснительного соблюдения, хотя и домашние дела, и работа на огороде как бы искушают беременную женщину. Но она боится гнева духов и не идет на огород. Действует и общественное мнение – муж и другие члены общества не одобряют

ее, если она начнет гневить духов. Беременной запрещено резать ножом рыбу и какие-либо другие предметы – существует поверье, что при этом она может нанести рану эмбриону.

Дети (сын и дочь). Младенчество. Роды происходят в особой хижине. При родах могут присутствовать только женщины, имеющие детей. Мужчинам доступ в эту хижину запрещен. Даже бездетная М. Мид не могла присутствовать при родах в племени манус. Муж, находящийся в это время в семейной хижине, развязывает все узлы, раскрывает все сосуды, иногда сам изображает родовые муки – стонет, корчится от воображаемой боли. Своим поведением он как бы доказывает факт своего отцовства (это он делал тело эмбриона, он кормил его в утробе матери «молоком пениса» и «через мать»).

После родов роженица остается с ребенком одна, притом довольно длительное время. К ней никто не заходит; никто не должен к ней прикасаться; пищу приносят и передают ей с большими предосторожностями; роженица не должна чесаться, брать руками пищу. Разные племена (а в одном и том же племени, возможно, разные люди) объясняют необходимость изоляции роженицы и новорожденного по-разному: женщина в это время «нечистая», грудное молоко должно быть чистым и «легким» и т.п. Люди племени квома (Новая Гвинея) полагают, что ребенок в первые месяцы жизни легко может стать жертвой колдовства. В это время мать не выходит с ребенком из хижины и принимает меры к тому, чтобы никто к ней в хижину не входил. Когда Д. Уайтинг вел здесь полевую работу (октябрь 1936 — апрель 1937 г.), появились на свет два маленьких квома, но ему дали посмотреть на них только после того, как им исполнилось три месяца.

В племени манус мать начинает кормить ребенка грудью лишь через три-четыре дня после его рождения. До этого его кормят грудью по очереди другие женщины, которых мать потом должна отдарить. Люди манус одинаково относятся к мальчикам и девочкам до тех пор, пока им не исполнится три года (население острова Манам продлевает этот период до пяти-шести лет). Для девочек трех лет изготавливают юбочку из растительных волокон и травы, чтобы подчеркнуть этим ее пол и принадлежность к женскому миру. Девочка носит эту обрядовую юбочку только один день (до семи-восьми лет дети манус не носят никакой одежды).

Постепенно у ребенка манус вырабатывается «понимание дома», т.е. умение ползать и ходить по полу, не проваливаясь в воду (пол состоит из отдельных балок); умение взбираться в дом по лестнице или по столбу; умение сбрасывать мусор из хижины в воду; умение мочиться сквозь балки; умение не приносить грязь и мусор в хижину. Вырабатывается также «понимание огня» (огонь может обжечь, может сжечь; носить золу или пепел надо осторожно; вода гасит огонь). Очень рано вырабатывается «понимание лодки и моря» – ребенок манус, еще не отнятый от груди, уже умеет плавать. Он начинает ходить и плавать одновременно.

Ребенок начинает ходить около двух лет. Люди вогео не учат детей ходить и даже не поощряют их к этому («ноги слабые»). Они ждут, когда ноги станут сильными, для этой цели трут колени ребенка листьями. А потом ребенок сам встает на ноги и выучивается ходьбе в течение двух-трех дней. Я. Хогбин рассказывал меланезийцам, как европейцы учат ходить своих детей, его слушатели от души смеялись. «Когда надо, – говорили они, – ребенок сам пойдет. Тогда давайте и плодовые деревья учить тому, как им растить плоды».

Детей рано приучают помогать по хозяйству. Н.Н. Миклухо-Маклай пишет о папуасах Берега Маклая: «Смешно смотреть, как ребенок полутора или двух лет тащит к костру большое полено, а затем бежит к матери пососать грудь».

В племени вогео маленькая девочка выполняет ряд работ по дому: метет пол (девочка, пишет Я. Хогбин, ростом с метлу), выносит мусор, кладет в глиняный горшок нарезанные матерью таро и ямс. Часто при этом она не столько помогает матери, сколько мешает и даже добавляет ей работы, но мать не проявляет недовольства (если не спешит куда-либо). Мать похвалит дочку, а затем, когда дочери не будет дома (чтобы сохранить ее радость за «хорошо» выполненную работу), все переделает. «Я потом пошлю ее куда-нибудь и все сделаю сама». Девочка вогео сопровождает мать на огород, с маленькой, специально для нее сделанной, корзиночкой в руках, хотя с огорода ей ничего не дадут нести – девочка слишком для этого мала: она идет с матерью к ручью за водой с маленьким сосудом из скорлупы кокосового ореха; в пять лет она уже несет от ручья два таких сосуда, свисающих спереди и сзади с ее плеча.

Дети племени квома, группами по двое-трое, готовят в лесу пищу на костре. Мальчики при этом просто подражают своим матерям, а девочек матери специально учат.<...>

На вопрос Я. Хогбина: «Почему вы так делаете?»— дети отвечали: «Это наш обычай, обычай людей вогео». Указывая на деревья, дети говорили ему: «Мы едим такие-то плоды, мы делаем из ветвей этого дерева такие-то вещи» (хотя сами дети таких вещей еще, возможно, и не изготавливают).

С трех-четырёх лет дети манус начинают исполнять различные песни, пляски, играть на музыкальных инструментах. Их никто специально не обучает, просто они подражают взрослым, делая это при каждом удобном случае (в том числе и во время исполнения песен и плясок в ходе празднеств, подпевая взрослым и перенимая их движения), очень гордятся друг перед другом своими успехами. С четырех-пяти лет начинают бить и щелевой барабан и понимать язык его сигналов: кто-то умирает, кто-то умер, кто-то что-то украл и т.п. В десять-двенадцать лет детям, однако, запрещено даже прикасаться к щелевому барабану в присутствии взрослых, но в хижине они могут и дальше обучаться игре на нем и его языку.

В условиях общинно-родового строя детей рано начинают обучать языку. Главные причины – стремление скорее подключить ребенка к хозяйству, передать ему знания и навыки, которые скоро понадобятся. Побуждают к ускоренному обучению языку и некоторые верования. Полагают, что после того, как ребенок начал говорить, дух предка, воплотившийся в нем, прочно соединяется с телом ребенка и не может уйти обратно в мир мертвых. Люди манус учат детей языку, без устали повторяя одно и то же слово и побуждая ребенка произносить его множество раз. М. Мид однажды специально подсчитала, сколько раз было повторено здесь взрослым и ребенком одно односложное слово – 60 раз! Затем началось повторение другого слова. Разные люди учат ребенка языку, и на первых порах ребенок, заучив с десятков слов, связывает каждое из них с тем человеком, от которого он это слово выучил. Завидев этого человека в проплывающей мимо лодке, он кричит «хижина», если он выучил от него именно это слово; взрослый отвечает ему «хижина», и они ведут друг с другом беседу, т.е. повторяют это слово, пока в состоянии слышать друг друга.

В племени арапеш мать, давая грудному ребенку разжеванное таро, без конца повторяет: «Хорошее таро, хорошее таро, съешь, съешь, съешь немного таро, немного таро, немного таро». Если рядом собака, мать говорит: «Хорошая собака, хороший ребенок, хорошая собака, хорошая, хорошая, хорошая». Если рядом сестра матери, мать говорит: «Это – твоя другая мать, другая мать, другая мать. Она – твоя другая мать. Она хорошая. Она принесла тебе еду. Она улыбается. Она хорошая». Ребенок еще не понимает слов, но он по тону чувствует: все вокруг хорошо, собака – хорошая, люди – хорошие, никто не сделает ему ничего плохого. Так люди арапеш, пишет М. Мид, учат ребенка доверию и любви.

На острове Вогео мать, давая ребенку грудь, повторяет множество раз общеупотребительные слова, поощряя его к произнесению этих слов: не (моя мама), сус (молоко) и т. д. Желая ускорить усвоение младенцем языка, мать трет ребенку губы мягкими листьями (полагая, что после этого язык займет во рту нужную позицию). Когда к матери приходил Я. Хогбин, она говорила: «Оби, Оби, Оби». Уместно подчеркнуть, что дети уже в младенческом возрасте воспринимают взрослый мир творчески, вносят в него свою лепту. Так, этот ребенок придумал для Хогбина другое имя – Багете (как оно появилось, осталось тайной), и взрослые тоже стали называть этнографа этим именем.

Особый предмет в обучении языку – терминология родства. Сначала ребенок усваивает один термин («мать») и называет этим словом различные категории родственников. Обучение происходит в основном в рамках семьи, и на этом основании Б. Малиновский утверждает, что термин «мать» сначала означал только одно – «родная мать» и лишь потом младенец называл этим же термином и сестер матери. Так было у тробрианцев, однако у других племен порядок был обратным.

В племени манус мать всегда рядом с ребенком. Хижины манус стоят на сваях над водой, а пол в этих хижинах составлен из балок, которые не закреплены и могут раздвигаться, образуя большие щели. Ребенок, ползая по такому полу, иногда раздвигает балки и проваливается под пол в воду. Мать сразу ныряет вслед за ним, вытаскивает его из воды и по лестнице или по столбу взбирается с ним обратно в хижину.

Плач, крик младенца – сигнал, предупреждающий мать о том, что ей необходимо принять срочные меры для его успокоения: качать корзину, в которой лежит ребенок, произносить нежные слова, петь песни, взять его на руки и дать ему грудь. Любопытный способ успокоения

плачущего ребенка наблюдал Н.Н. Миклухо-Маклай у жителей деревни Бонгу (Новая Гвинея): женщина взяла ребенка, «положила его в большой мешок, который повесила себе на спину так, что шнурок мешка охватывал лоб, и, нагнув голову, чтобы сохранить равновесие, принялась быстро бегать взад и вперед по площадке между хижинами. Ребенок, крик которого был, вероятно, затруднен движением, скоро умолк».

В условиях общинно-родового строя высока детская смертность – умирает около половины младенцев в возрасте до одного года. Поэтому мать (младенцы в возрасте до двух-трех лет всецело на ее попечении) проявляет повышенную заботу о своем ребенке – она всегда рядом с ним, готовая бросить все свои дела и прийти к нему на помощь. На острове Вогео плач или крик ребенка, не достигшего трех лет, повергает в ужас не только мать, но и отца и всю деревню – все бегут к ребенку с разными угощениями; если это не помогает, отец громко повторяет имя ребенка и умоляет вануну – духа предка не уходить из ребенка, остаться. Так было, например, когда девочка Яуон, узнав, что мать не хочет взять ее с собой на огород, стала плакать и кричать. Отец распростер перед нею руки (преграждая духу дорогу) и говорил: «Дух, стой, Яуон, Яуон, Яуон! Твоя мать останется с тобой. Она не пойдет на огород». Когда мать брала ребенка с собой на огород или в другую деревню, она перед возвращением домой несколько раз произносила имя ребенка, ставя валуну в известность, что и ему пора возвращаться домой.

В эти годы ребенку все дозволено. Все, что ребенок требует, ему дают (ножи прячут, чтобы не отказывать). Ребенок может портить, ломать то, что ему дали (например, украшения), – его не наказывают, даже не упрекают. Грудь матери всегда к услугам младенца, и этим М. Мид объясняет то, что дети в племени арапеш и в других никогда не сосут свой палец. После двух-трех лет вануну, как полагают, срастается с телом. Теперь ребенка можно наказывать (например, шлепнуть) – вануну не уйдет. <...>

Детство. Переходный от младенчества к детству период длится от года до двух лет. Начало этого периода трудно установить точно – влияют здоровье матери, здоровье ребенка, рождение другого ребенка и т.д. ... Это период, когда ребенка постепенно отнимают от груди и вводят в его рацион пищу взрослых. <...>

Наглядным примером поведения ребенка в переходный период может служить сценка, которую Н.Н. Миклухо-Маклай наблюдал в деревне Мале на Берегу Маклая. «Очень смешно было видеть, — пишет он, — как довольно большой мальчик, лет более трех, съел несколько кусков ямса из табира (деревянный сосуд. — Н. Б.) своей матери, рядом с которой он сидел, переменял положение, положил голову на колени матери и, схватив толстую, отвислую грудь ее (она кормила еще другого), стал сосать. Мать продолжала спокойно есть, а сын ее, насосавшись молока, снова принялся за ямс». Наличие в диете ребенка наряду с грудным молоком пищи взрослых – основной признак (кроме возраста) переходного периода.

В племени вогео, пока ребенок не начал ходить, только мать может кормить его грудью. Начал ходить – могут кормить ньон (сестры матери и отца). Ребенок сначала не идет к ним. Мать говорит ему: «Соси, соси. Она твоя ньон. Называй ее ньон и соси ее молоко». <...>

Отнятие от груди – болезненный процесс для ребенка. Сначала мать уговаривает его: «Ты – большой, а грудь для маленьких, не для таких больших, как ты. Посмотри на своего отца. Никто не кормит его грудью. Он ест таро, бататы и рыбу... Пойди к нему, скажи: «Отец, я хочу таро. Мне надоело молоко матери». Если уговоры не помогают, мать начинает высмеивать пристрастие ребенка к груди (особенно в том случае, когда она вновь беременна). Иногда мать прибегает к крайней мере: мажет грудь чем-нибудь горьким. Видя, как ребенок тычется ртом в грудь, морщится и отворачивается, мать сама заливается слезами.

В этот период ребенок уже начинает осознавать, что ему не все дозволено и не все проходит для него безнаказанно. У него кроме прав появляются и обязанности. Теперь он обязан для отправления естественных потребностей ходить в определенное место, а если он испачкает колени матери (на которых он еще проводит немало времени) или пол в хижине, то будет наказан. Уже в эти послемладенческие, но еще додетские годы он начинает принимать посильное участие в хозяйственной жизни семьи.

Переход от младенчества к детству – тяжелое время для ребенка. В период младенчества он мог делать все, что хотел, – его не упрекали, не наказывали. Если он тащил полено в костер, собирал хворост для очага, то делал это опять-таки по своей инициативе, подражая взрослым. Теперь же труд вменяется ему в обязанность. Теперь за непослушание его упрекают и

наказывают и не все его желания выполняют. На острове Вогео непослушание ребенка объясняют тем, что наставления, даваемые ему, не проходят сквозь уши (слишком узок проход) в легкие (место разума). Мать в таких случаях говорит: «Ты без ушей. Мои челюсти устали от наставлений, руки болят от битья, а ты меня не слушаешься».

Вступив в период детства, мальчики и девочки начинают отделяться друг от друга. На острове Манама это происходит в возрасте пяти-шести лет. Раньше мальчики и девочки играли вместе; теперь мальчики играют отдельно, девочки – отдельно. До этого они были на равных с отцом и матерью, теперь мальчик проводит больше времени с отцом, девочка – с матерью. Девочки начинают трудиться с более раннего возраста (забота о доме, приготовление пищи, работа на огороде, уход за малолетними детьми). Труд мужчины сложнее, и мальчики, играя, готовятся к нему.

Говоря о папуасах Берега Маклая, Н.Н. Миклухо-Маклай отмечал, что отец и мать «очень рано приучают детей к практической жизни, так что, будучи еще совсем маленькими, они уже присмотрелись и научились более или менее всем искусствам, даже и таким, которые вовсе не подходят к их возрасту».

Не всегда легко провести четкую грань между игрой и трудом в занятиях детей. Так, у детей племени бонгу, по свидетельству Н.Н. Миклухо-Маклая, «игра мальчиков состоит в метании палок наподобие копий, в стрельбе из лука, и как только они делают небольшие успехи, то применяют их к практической жизни. Я видел мальчиков, очень небольших, проводящих целые часы у моря, старавшихся попасть из лука в какую-нибудь рыбу».

Дети играют в занятия взрослых: в работу на огороде, в рыбную ловлю, в охоту, в приготовление пищи. Н.Н. Миклухо-Маклай наблюдал следующую картину при охоте папуасов, когда они жгли траву и гнали пламенем диких свиней туда, где их сторожили другие охотники: «Туземцы, стоя в воинственных позах, держа луки и стрелы в левой руке, а в согнутой правой – копьё над плечом наперевес, острием вперед, внимательно следили за движением пламени, желая каждый первым открыть неприятеля. Несколько мальчиков, лет десяти-одиннадцати, с миниатюрными луками и копьями, также стояли немного поодаль от отцов и служили живым примером того, как наука папуасской жизни передается из поколения в поколение».

Изготавливая игрушечные каменные топоры, игрушечные деревянные сосуды, стреляя из игрушечного лука, играя в междеревенские празднества, в семейную жизнь, дети постепенно воспринимают, заучивают и усваивают знания, навыки и опыт, которые пригодятся им в будущей жизни. Взрослые помогают им в этом. Например, мальчики строят игрушечные лодки, а мужчины всерьез и детально обсуждают ход игры: «Здесь плох аутригер»; «У этой лодки мал парус»; «В эту лодку надо положить немного камней для устойчивости» и т.д. Взрослые не жалеют времени на передачу знаний и навыков детям, а также и неопытным в каком-то деле взрослым. Н.Н. Миклухо-Маклай писал о папуасах: «Они очень любят поучать других, т.е. если кто-нибудь делает что-нибудь не так, как они, туземцы сейчас же останавливают и показывают свой образ действий. Это заметно даже в детях; много раз маленькие дети, лет шести или семи, показывали мне, как они делают то или другое».

<...>

... Трудно было понять, что это было для них – труд или игра, или и то и другое одновременно... На мысе Гарагаси папуас сбрасывал орехи с кокосовой пальмы, а Н. Н. Миклухо-Маклай, его слуга Ульсон и восьмилетняя девочка подбирали их. «В результате оказалось, что маленькая девочка собрала больше, чем мы оба вместе: так хороши были ее глаза, и так ловко, несмотря на голое тело, она пролезала везде, даже между самыми колючими лианами и хворостом». В деревне Гумбу он видел, как девочка лет десяти, зажав ногами большой плоский камень, изготавливала на нем из раковин плоские кольца для ожерелий. «Камень был смочен водой, и работа быстро продвигалась вперед», отмечал исследователь.

То же самое мы находим у меланезийцев, жителей островка Вогео. Игры мальчиков и девочек часто воспроизводят хозяйственную и социальную жизнь взрослых – они строят игрушечные хижины, плетут игрушечные циновки, готовят игрушечную пищу, справляют свадьбу со всей ее обрядностью, включая плату за невесту (вместо свиней крысы или ящерицы; вместо зубов собаки – камешки). При этом соблюдается половое разделение труда и функций: мальчики строят игрушечные хижины, девочки готовят игрушечную пищу. На острове Вогео, например, мальчики и девочки играют в обрядовое распределение пищи на празднестве. Дети

поделены на три группы (на «празднестве» присутствуют «жители» трех деревень). Каждая группа вносит свой вклад (кокосовые орехи вместо них камешки, циновки – вместо них листья). Мальчик упрекает одну из групп: «Жители этой деревни принесли мало пищи». Начинается приготовление еды. Девочка говорит мальчику: «Принеси воды». Другой мальчик возражает девочке: «Нет, это женская работа. Мужчины этого не делают. Сходи сама».

Отец и мать направляют игры детей в нужное русло. Это руководство взрослых играми детей называется здесь тем же; словом сингара, что и управление лодкой с помощью руля. Детей приучают носить воду из ручья в бамбуковых сосудах, выносить мусор из хижины, мести пол. Мальчик, придя с отцом на огород, берет маленькую палку-копалку, делает ямки в земле (отец показал ему, как это делается), зовет на помощь младшую сестру, и они сажают листья травы, полагая, что это – таро. «Они играют в труд, – говорит отец, – так они учатся».

На общем огороде мальчику пяти-шести лет выделяется небольшой участок, и здесь он работает всерьез: копает, сажает таро и ямс, полет, собирает урожай. При этом он не прочь иногда и похвастаться своими успехами перед другими детьми, но хвастовство не поощряется. Восьмилетний Карук, посадив банановые деревья и вернувшись в деревню, говорил своим сверстникам: «Я сам сажал бананы, как мужчина. Вы еще дети, а у меня свой огород». Мать пресекла это хвастовство: «Хватит! Ты сделал хорошо, но и эти мальчики скоро будут сажать бананы. Ты много болтаешь. Иди и корми свиней».

<...> Им нравится работать ножами и топорами. Взрослые изготавливают для них маленькие топоры, и дети рубят ими молодые деревца. Тут же они играют в прятки. Сочетание труда с игрой делает труд интересным, а игру – содержательной и полезной. Мальчик получает на огороде свой маленький участок, на котором он сам выращивает таро и ямс, свое место в семейном амбаре, где он хранит свой урожай. <...>

С четырех-пяти лет дети у вогео в лодке отправляются с взрослыми на рыбную ловлю. При этом их учат, как грести, управлять лодкой, где какие течения, скалы и т. д. С трех-пяти лет детей учат лазать на деревья. Случилось однажды так, что мальчик чуть не упал. Отец целый час учил его искусству лазания, но мальчику лезть на дерево не хотелось. «Если ты не полезешь на дерево сегодня, – сказал отец, – ты будешь бояться и завтра. Я полезу сзади за тобой и буду говорить тебе, где ставить ногу». В семь-восемь лет мальчики отлично лазают на деревья на высоту до 30 метров.

Дети и папуасском племени квома вносят свой вклад в семейный котел. Мальчик, вырастив бананы, не должен их есть без разрешения взрослых. Ему говорят: «Это твои бананы, с твоего дерева, но ты должен внести свою долю в семейный горшок».

Г. Шурц, отметил, что дети «диких» народов раньше приобщаются к труду, чем дети европейцев, попытался объяснить это тем, умственное развитие «дикаря», достигнув известной ступени, останавливается, а европейский ребенок продолжает и дальше умственно развиваться, так как ему предстоит решать более сложные задачи. Трудно придумать что-либо более далекое от истины. Человек общинно-родового строя, в отличие от европейца, вовлеченно в систему развитого разделения труда, должен уметь все – обрабатывать огород, ловить рыбу, выращивать плодовые деревья, строить хижины, лодки, изготавливать орудия труда, утварь, одежду, украшения и т. д. Он должен также знать все приметы для предсказания погоды, виды культурных и диких растений, повадки животных, родственные связи, мифы, легенды, предания, верования и т.д.

Разумеется, и в условиях общинно-родового строя есть разделение труда, и том числе между людьми одного пола и возраста, но развитое слабо (в основном межплеменное, географическое; например, между прибрежными и внутренними племенами). Имеются в общинах и специалисты, лучше других строящие хижины и лодки, лучше других знающие мифы, верования, магические обряды и т.д. Тем не менее, каждый член общины должен усвоить огромный объем знаний и навыков, поэтому учится этому с раннего детства. К тому же отец и мать не справляются со всеми делами, поэтому ребенку приходится раньше «созреть», т.е. приобщаться к труду.

Такой высокоразвитый интеллектуальный европеец, как, например, американский этнограф Джон Уайтинг, оказавшись среди папуасского племени квома, был зачислен в ряд детей (именно так воспринимали его папуасы) он ничего не знал и ничего не умел из того, что знали и умели взрослые папуасы. И дело не только в том (как он сам это объясняет), что культура племени квома резко отличается от американской: американский фермер не оказался бы в таком

положении, а мог бы даже сам кое-чему научить взрослых людей племени квомы. Дж. Уайтингу же нередко приходилось слышать критические замечания и свой адрес, в том числе и от маленьких детей («ты не знаешь», «ты не умеешь»).

Слов нет – европейцы далеко ушли вперед по сравнению с людьми общинно-родового строя. Но столь же несомненно, что европейцы в этом движении кое-что утратили из того, что было в далеком прошлом и что люди общинно-родового строя или лишь недавно из него вышедшие сохраняют и ценят. Вот что писал по этому поводу Н.Н. Миклухо-Маклай: «Усовершенствования при нашей цивилизации клонятся все более и более к развитию только некоторых наших способностей, к развитию одностороннему, к односторонней дифференцировке. Я этим не возвожу на пьедестал дикого человека, для которого развитие мускулатуры необходимо, не проповедую возврата на первые ступени человеческого развития; но вместе с тем я убедился на опыте, что для каждого человека его физическое развитие во всех отношениях должно было бы идти более параллельно, а не совершенно отстраняться преобладанием развития умственного».

Помимо того, что дети папуасов и меланезийцев многое умели, они много знают, вплоть до вещей, которые, как полагают взрослые, они не должны знать. Так, взрослые квомы говорят детям, что доносящиеся из тамберана звуки барабанов, флейт, трещоток – это голоса духов марсалаен, но дети, присутствующие при разговорах взрослых, вскоре узнают, что это мужчины играли там на музыкальных инструментах. Мало того, что дети об этом знают – они делают вид (так требует обычай), будто это им неизвестно. Зайдя подальше в лес (чтобы не заметили взрослые), дети делают игрушечные барабаны, пляшут, поют обрядовые песни. То же самое делают дети на острове Вогео, хотя это им строго запрещено (существует миф о том, как дети, нарушившие этот запрет, были убиты духами); но они все же нарушают этот запрет, и взрослые, узнав об этом, наказывают их. На острове Вогео мужчины однажды говорили о жителях материка, будто они имеют половые связи со своими женами даже в период менструаций; семилетний мальчик, услышав это, вмешался в разговор взрослых, воскликнув: «Это отвратительно!» <...>

Юность. По мере полового созревания происходит переход от детства к подростковому периоду и к юности. Подростковый период не имеет четких границ – дети и подростки трудятся и играют вместе, разница между ними лишь в том, что подростки, подражая своим отцам и матерям, следят за поведением детей и иногда наказывают их.

Таким образом, трудно сказать, когда дети становятся подростками, а подростки – юношами. Некоторые исследователи связывают начало юности у мальчиков с первым обрядом инициации. Но в племени вогео первый обряд инициации для мальчиков (пробуравливание мочек ушей) происходит в трехлетнем возрасте; второй (в священной хижине, где инициатов сначала «поедает» чудовище, а потом изрыгает их и они впервые надевают набедренную повязку) – в восьмилетнем возрасте.

У девочек юность обычно начинается с появлением менструаций. В племени матанкор девочка, становясь девушкой, меняет свою одежду. До этого она носила пояс, с которого свисали две кисточки – одна спереди, другая сзади. Но как только появляются первые признаки половой зрелости, девушка одевается весьма своеобразно: она, пишет Н.Н. Миклухо-Маклай, принимает «вид прямоугольника из циновки на двух ногах». Вскоре, однако, она меняет эту одежду на одежду взрослых женщин: пояс и два фартука из растительных волокон – один спереди, другой сзади. Однако период юности у девочек либо длится очень недолго, либо его нет совсем. На острове Манам, по сообщению К. Веджвуд, девочка при наступлении менструации сразу из разряда детей переходит в разряд взрослых женщин.

Напротив, у юношей этот период затягивается надолго, они проходят через сложные и мучительные обряды инициации, суть которых – отторжение от женского мира и приобщение к взрослым мужчинам, т.е. к ядру общины и локальной части рода.

Конец юности у лиц обоего пола – вступление в брак. Теперь юноша и девушка – муж и жена. Вскоре они становятся отцом и матерью, и их ребенок проходит те же периоды младенчества, детства и юности, через которые в свое время прошли они сами».

- 1.Выготский Л.С. Проблема возраста // Собрание сочинений: В 6-ти т. Т.4. Детская психология/ Под ред. Д.Б.Эльконина. – М.: Педагогика, 1984.
- 2.Поливанова К.Н. Психология возрастных кризисов: Учеб. Пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – М.: «Академия», 2000.
- 3.Психология развития: Учеб. для студ. высш. психол. учеб. заведений /Т.Д. Марцинковская, Т.М. Марютина, Т.Г. Стефаненко и др.; Под ред. Т.Д. Марцинковской. – 2-е изд., перераб. И доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – С. 346-376.
- 4.Слободчиков В.И., Исаев Е.И. Основы психологической антропологии. Психология развития человека: Учебное пособие для вузов. – М., 2000.
- 5.Шаповаленко И.В.. Возрастная психология. М., 2004.

Дополнительная

- 1.Баттерворт Дж., Харрис М. Принципы психологии развития/ Пер. с англ. – М.: «Когито-Центр», 2000.
- 2.Возрастная и педагогическая психология / Под ред. А.В. Петровского. – М., 1979.
- 3.Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. – М.: Педагогика-Пресс, 1993.
- 4.Громов, Д.В. Роль юношеских инициационных посвящений в традиционном и современном обществе <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklorelaboratory/Gromov.htm>
- 5.Дети и подростки: психология развития/ Д.Шэффер. – СПб.: Питер, 2003.
- 6.Зими́на И.С. Современный вариант инициации в процессе взросления подростков // Педагогическое образование в России – 2010 №2, С.75-82 <https://cyberleninka.ru/article/v/sovremennyy-variant-initsiatsii-v-protsesse-vzrosleniya-podrostkov>
- 7.Кулагина И.Ю. Возрастная психология. (Развитие ребенка от рождения до 17 лет). – М., 1997.
- 8.Развитие ребенка/ Х. Би. – 9-е изд. – СПб.: Питер, 2004.